

желаю ли я сим названием величаться <...> Отрекаюсь от сего почтенного наименования, уступаю место тем высокоименитым людям, которые вдруг берутся за все и по великости знания своего никакого дела к концу не приводят».²⁷

Издание «Трутня», как известно, было рассчитано на весь 1770 г. Но в конце апреля Новиков объявил о прекращении издания и возвратил подписчикам деньги за невышедшие номера, а статья «Расставание или последнее прощание с читателями» недвусмысленно объясняла, что причиной ликвидации журнала является как охлаждение интереса читателей, так и «обстоятельства». Чулков делает вид, что смысл новиковского прощания с читателями ему непонятен. Бросая Новикову упрек, что обещанный журнал не доведен до конца, он косвенно обвинял его в небрежении интересами читателя, подчеркивая одновременно собственную коммерческую честность. Этому противопоставлению он пытается придать и более широкое значение, не брезгуя личными намеками. «Некоторым сочинителям, — продолжает он, — не знание и не науки (что Новиков не кончил гимназии Московского университета, было известно современникам, — В. С.), но одно только слепое счастье доставило титул людей разумных и ученых... Всякое их сочинение и выдумка похваляемы бывали всем городом публично; а мы, убогая братия, со страхом и трепетом взирали на дела сих преузорочных и высокосмысленных особ и не осмеливались находить в них погрешности и наедине иметь о них столь злое помышление». Чтобы еще точнее указать адресата и не дать повода заподозрить, что предисловие задевает также недавно прекратившуюся «Всякую всячину», в подстрочном примечании Чулков указал на характерную черту тематики «Трутня»: «Речь моя касается прямо весьма малоученым стихомазам. Я не берусь выхвалять больше г-на Сумарокова, нежели покойного Ломоносова, зная, что они великой похвалы достойны оба» (ПЩ, с. 5). Новиков действительно был активным защитником сумароковской сатиры. Борьба с неприятелями поэта в 1769 г. велась в основном на страницах «Трутня».

Таким образом, Чулков как бы делил всю сатирическую журналистику на три не равные по значению части — «Всякую всячину»; Новикова, Эмина и «Смесь», связанных взаимной солидарностью, и, отдельно, — издания мелкотравчатых сочинителей, «убогой братии». Новикова и Эмина Чулков не считает авторитетными писателями. Он измеряет достоинство издания не серьезностью программы или общественным признанием. Здесь действуют другие категории, и не случайно «Парнасский щепетильник» продолжает начатый «Всякой всячиной» разговор о самолюбии стихотворцев. Мишенью и в том и в другом случае был Новиков, продолживший в «Пустомеле» борьбу за общественную

---

²⁷ Парнасский щепетильник, 1770, с. 3. Далее при ссылках сокращенно — ПЩ (с указанием страниц).